

DOI 10.17223/19986645/26/6

УДК 821.161.1

В.С. Киселев, Т.А. Васильева

**ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА УКРАИНЫ В ИМПЕРСКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.:
РЕГИОНАЛИЗМ, ЭТНОГРАФИЗМ, ПОЛИТИЗАЦИЯ
(СТАТЬЯ ВТОРАЯ. «НЕОБХОДИМО СНИЗОЙТИ
ПОД КРОВЛЮ СЕЛЯНИНА...»)**

В статье проанализирована общая эволюция украинского историографического дискурса 1800–1810-х гг., зафиксировавшая, во-первых, переход от автономизма к регионализму, в связи с этим рассмотрены ведущие причины и следствия этого процесса на материале трудов Д.Н. Бантыш-Каменского, А.И. Мартоса, М.Ф. Берлинского, а также влияние «традиционной схемы» русской истории Н.М. Карамзина на особенности выстраивания украинской историографии; во-вторых, глубокую переоценку роли простонародья в создании, сохранении и исторической трансляции национальной культуры, зафиксированной в языке, фольклоре и обрядности, чему способствовало распространение идей И.Г. Гердера. Основное внимание сосредоточено на особенностях малороссийской этнографии и археологии рассматриваемого периода и ее воздействии на украинскую историографию.

Ключевые слова: русская литература, украинская литература, историография, образ Украины, национализм, регионализм, этнографизм.

Еще к концу XVIII в. был накоплен большой материал об украинской истории и этнографии. Причем ведущий тон здесь задавала историография: исторические документы и летописи в контексте румянцевских реформ подтверждали правомерность притязаний местных патриотов на самобытность Украины и, как следствие, ее автономность. Уже первое поколение малороссиян, привлеченных Екатериной II к имперской деятельности, считало важным отметить особое место своей родины в истории. Так, в 1765 г. П.И. Симоновский, малороссийский генеральный подскарбий и товарищ Г.В. Козицкого, известного литератора и статс-секретаря императрицы, составил «Краткое описание о козацком малороссийском народе и о военных его делах», оставшееся в рукописи и доведенное автором до начала 1750-х гг. [1]. Частью литературно-историографических занятий В.Г. Рубана, секретаря Г.А. Потемкина, журналиста и одописца, становится собрание и публикация украинских исторических памятников [2], в подготовке которых к печати принимал активное участие А.А. Безбородко, в тот момент секретарь по принятию прошений, поступающих на высочайшее имя. А.А. Безбородко намеревался впоследствии подготовить «издание полной Малороссийской истории» [3. Т. 1. С. 262].

Хотя эти планы не осуществились в полной мере, они отозвались в собирательской и публикаторской деятельности Ф.В. Туманского, издавшего в журнале «Российский магазин» (1792–1793) «Летописца Малыя России» и

ряд исторических документов¹, А.И. Ригельмана («Летописное повествование о Малой России» [6]), М.А. Антоновского (материалы в составе «Описания всех обитающих в Российском государстве народов» [7]), Г.А. Полетики и В.Г. Полетики, активно использовавших собранные ими исторические источники при подготовке публицистико-юридических «Записок», А.И. Чепы, мечтавшего о создании украинской «Вивлиофики» наподобие новиковской², анонимного автора «Истории русов» [9]. Тем не менее при всей исторической ценности эти опыты до поры оказались выключены из магистрального направления русской историографии, двигавшейся к созданию универсального общеимперского нарратива. Именно поэтому большинство подобных материалов либо затерялось в библиотеках и архивах, либо осталось неопубликованным и вышло к широкому читателю значительно позднее, как произошло с «Историей русов», приобретшей известность лишь к 1820–1830-м гг.³, или с произведениями А.И. Ригельмана [6].

Своеобразным ответвлением, а в определенном смысле альтернативой историческим разысканиям выступили описания родного края, зачинателем которых явились Г.И. Калиновский, выпустивший «Описание свадебных украинских простонародных обрядов» [11], и В.Г. Рубан, автор «Землеописания Малой России» [12] (издано вместе с «Краткой летописью Малой России» [2]). Природно-географический, экономико-статистический и этнографический подход, заявленный ими, в большей степени вписывался в контекст научно-дискурсивного освоения имперских окраин, систематически проводившихся со второй половины XVIII в. Начинания Калиновского и Рубана пересекались с интенциями ученых путешествий и описаний И.Г. Георги («Описание всех обитающих в Российском государстве народов»), П.С. Палласа («Путешествие по разным провинциям Российской империи» [13]), затрагивавших и Украину – в случае С.Г. Гмелина (фрагменты «Путешествия по России для исследования трех царств естества»⁴ [14]) и И.А. Гильденштедта (часть его путевого дневника, изданного уже посмертно [15. С. 180–228; 16. С. 85–153]). Развернувшаяся в преддверии путешествия Екатерины II активная работа по систематизации малороссийского материала, призванная подвести итог румянцевским реформам и наметить административные планы на будущее, нашла воплощение в универсальных краеведческих обзорах А.Ф. Шафонского («Черниговского наместничества топографическое описание» [17]), И.А. Переверзева («Топографическое описание Харьковского наместничества» [18] и «Топографическом описании Киевского наместничества» (1786) [19]). В них исторический компонент редуцировался или вовсе отсутствовал, однако своеобразие региона выходило на первый план, насыщаясь, как у А.Ф. Шафонского, подробными описаниями материальной культуры и этнографическими заметками⁵. Наметившуюся тенденцию развили

¹ См. «Российский магазин» [4. Ч. 1. Нояб. С. 187–197; 5. Ч. 2. Март. С. 1–97; 5. Ч. 2. Май. С. 209–290; 5. Ч. 2. Июнь. С. 335–349, 366–388; 5. Ч. 3. Сент. С. 1–75; 5. Ч. 3. Окт. С. 125–155; 5. Ч. 3. Нояб. С. 157–222; 5. Ч. 3. Дек. С. 280–312].

² Ср. планы создания «Истории Малороссии» в переписке двух последних [8. С. 41–76].

³ См. о знакомстве имперской публики с рукописью «Истории русов» [10. С. 335–353].

⁴ Первое издание вышло на немецком языке. (СПб., 1770).

⁵ Ср. также этнографические приложения к «Летописному повествованию о Малой России» А.И. Ригельмана, созданные в конце 1780-х гг. [6. С. 706–744].

«Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях» Я.М. Марковича [20] и наблюдения М.А. Антоновского в дополнительном томе «Описания всех обитающих в Российском государстве народов» (1799)¹.

Украинский регионализм первой четверти XIX в. придал археолого-этнографическому подходу новое, более глубокое и фундаментальное изменение, что выразилось, в том числе и в растущей популярности у имперской публики. Если описания А.Ф. Шафонского, И.А. Переверзева, книга Я.М. Марковича либо предназначались для внутреннего административного употребления, либо издавались крошечным тиражом, то публикации М.Ф. Берлинского, Н.А. Цертелева или Д.Н. Бантыш-Каменского приобретали достаточно большую известность, становясь частью набиравшего силу украинофильства. Региональное видение, пришедшее на смену автономизму, позволило решить две коренные проблемы историко-этнографического дискурса. Во-первых, украинская история оказалась встроена в историю имперскую, выступив ее временным (с XIV по середину XVII в.) ответвлением, а во-вторых, культурные различия велико- и малороссов снимались или ослаблялись их общим происхождением, позволявшим рассматривать Украину как колыбель «русскости».

Основой для сближения выступило утверждение в трудах Н.М. Карамзина «традиционной схемы» русской истории или имперского «великого нарратива». Как справедливо констатировал З. Когут, «для Карамзина "российскость" воплощена в самодержавии и государственности, а не в особой территории» [22] и, добавим, этничности². Отталкиваясь от концепции «Синопсиса» И. Гизеля (1674) [24], автор «Истории государства Российского» [25] прослеживал наследование власти великих князей киевских князьями владими́ро-суздальскими, а затем московскими. Логика карамзинской истории строилась на преемственности устойчивой самодержавной власти, в свете которой Южная Русь, территория будущей Малороссии, с XII–XIII вв. все больше погрязает в междоусобицах, в то время как северная ее часть крепнет благодаря единству сильной княжеской династии. Ко времени монголо-татарского нашествия украинские земли, лишённые, по мысли историографа, цементирующего государственного начала, выпали из истории и вернулись в ее сферу только к XVII в., к моменту присоединения к Московскому царству, преемницей которого выступила Российская империя. «С такой позиции история Украины выглядела лишь локальным ответвлением русской национальной истории, а украинцы и белорусы – непослушными детьми русской национальной родины»³ [26. С. 62].

В свете этой концепции, популяризация которой осуществлялась и харьковскими журналами (статьи И.И. Квитки, М.К. Грибовского, М.Е. Маркова, М.Ф. Берлинского⁴), попытки утверждения истории Украины XIV–XVII вв. как самостоятельного государства, предпринимавшиеся малороссийскими

¹ См. анализ этнографического материала в публикациях XVIII в. [21].

² См. о роли этнического начала у Н.М. Карамзина и в раннеимперской российской историографии [23. С. 44–62].

³ Оригинал [27. Р. 453–477].

⁴ См. подробнее о роли харьковской журнальной историографии в утверждении украинского регионализма [28. С. 55–73].

историками XVIII – начала XIX в., выглядели маргинальными и отражавшими лишь запоздалую ностальгию по временам ушедшей вольницы. Восходившие к «казацким летописям» хроники Самуила Велички, Григория Грабянки, П.И. Симоновского, А.И. Ригельмана и другие источники вплоть до «Истории русов» полностью сосредоточивались на местном материале определенного периода и настаивали на коренном различии украинской и русской политической организации, подразумевавшем, помимо прочего, скорее федеративные, договорные, чем унитарные отношения с метрополией. Маргинализации способствовала и архаичная форма подобной историографии, построенная на хроникальном принципе и допускавшая свободное компилирование разнородных источников без их критического рассмотрения и встраивания в единую концепцию¹. Переход к форме обобщающей научной историографии оказался немыслим без усвоения новой синтетической стилистики, образцом которой также выступила «История государства Российского».

Малороссийские историки новой волны, принимая карамзинскую схему, стремились заполнить ее лакуны, ввести в поле имперского прошлого события, происходившие на «своей» территории. Самый выразительный образец здесь – фундаментальная «История Малой России со времен присоединения оной к российскому государству при царе Алексее Михайловиче», законченная Д.Н. Бантыш-Каменским к концу 1810-х гг. Ее автор сразу предупреждал читателя: «Как первоначальная малороссийская история соединена совершенно с российскою и польскою, я не почел нужным распространяться о сем предмете, а в кратком обозрении изложил первобытное состояние сего края. Подробное же повествование о случившихся в оном происшествиях начал с тех только времен, когда славный козакий вожьд вознамерился преклонить булаву свою перед могущим скипетром российского самодержца» [33. С. 5].

В изложении Д.Н. Бантыш-Каменского этап Киевской Руси, получивший уже широкое освещение в карамзинской и посткарамзинской историографии, вовсе не затрагивался, а история украинских земель в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой занимала лишь сорок страниц объемного труда. Написанная по официальному поручению малороссийского генерал-губернатора Н.Г. Репнина, основное внимание «История Малой России» посвящала политическим событиям на территории Гетманщины, причем с выдвиганием на первый план действий центральной власти. В итоге автору первой систематической, основанной на большом круге источников работы удалось популяризировать украинскую историю, свидетельством чего явился ряд переизданий (1830, 1842), в первом из которых, заметим, материал был дополнен и включил в себя описание древнего и литовско-польского этапа. «Однако в целом, – по оценке З. Когута, – история Бантыш-Каменского была не более чем подробной историей одной из многочисленных провинций России»² [26. С. 65].

Варианты согласования имперской и региональной истории, впрочем, могли существенно различаться. Так, А.И. Мартос в своей неизданной «Истории Украины», не отказываясь от карамзинской схемы, предпочел сосредото-

¹ См. об их идеологии и структуре [29. С. 593–607; 30; 31. С. 151–167; 32].

² См. также наблюдения В.В. Кравченко [34. С. 158–191].

точиться на доимперском периоде, как более выразительном с точки зрения местного своеобразия. В его подходе уже вполне чувствовалось стремление к воссозданию через историю национального характера. За сосредоточенность на событийной эмпирике в ущерб телеологичности и национальному колориту, а также за недостаточный показ ответного влияния малороссиян на имперскую культуру (в лице Дмитрия Ростовского, Феофана Прокоповича и др.) он как раз и упрекал своего коллегу: «Думаем, что она («История Малой России». – В.К., Т.В.), конечно, будет приятна Малороссам, потому, что она есть первая подробная <...>. Но скажем, что бывшая Украина, составившая из себя более нежели Черниговскую и Полтавскую губернии, вероятно, потребует другой своей истории, преимущественно до раздробления ее на части (т.е. до вхождения Левобережной Украины в состав Московского царства. – В.К., Т.В). Она потребует показать причины и начала причин удивительного состава козацкого народа» [35. С. 137–138].

В какой-то степени это стремление к «началам причин» компенсировалось усилиями краеведческой археологии, главным представителем которой выступал М.Ф. Берлинский. Его «История города Киева», написанная еще в конце 1790-х гг., но пришедшая к широкому читателю только в 1820-е гг., отталкивалась от «Синописа» и предвосхищала будущую карамзинскую схему. В своем обзоре автор не ограничивался историей одного города, но вписывал ее в широко понимаемую историю Украины (без членения на Левобережную и Правобережную), рассматриваемую с равной подробностью от древности до современности. Этот исторический нарратив, однако, выступал лишь фоном археолого-топографического обозрения, позволявшего насытить живым содержанием «киевские древности». В сокращенном издании 1820 г. именно археологическая часть явилась центром, а сам Киев представал своеобразным историческим палимпсестом: «Существуя почти 18 столетий и находясь во все сие время, так сказать, в средоточии разных народов, из коих каждый действовал на него по владычеству духу того времени, невозможно было ему не измениться, ни в физическом, ни в политическом, ни в нравственном своем существовании. Из первого, от древности, едва остались малые признаки прежнего его бытия <...>»¹ [36. С. 29].

Археологический подход М.Ф. Берлинского, более широкий по историческому охвату, хорошо согласовался с интересами имперской образованной публики, отразившимися в нарративных схемах украинских путешествий. В.В. Измайлов, П.И. Шаликов, И.М. Долгорукий, А.И. Левшин воспринимали современную Малороссию через призму древности, отыскивая в городах и урочищах материальные следы летописных событий, правда только древнерусских². Одновременно происходило и становление научной имперской археологии, отозвавшейся и на украинском этапе экспедиции А.И. Ермолаева, хранителя рукописей Императорской Публичной библиотеки, члена кружка Н.П. Румянцева, который вместе с К.М. Бороздиным произвел первоначальное археологическое описание древностей в Северной России, а в 1810 г.

¹ См. подробнее о методологии и концепции украинского археолога в книге М.Ю. Брайчевского [37. С. 5–20].

² См. наиболее подробный анализ украинских травелогов с этой точки зрения в книге А. Толочко [38. С. 47–134].

Киева и Чернигова [39]. В 1821 г. поездку в Киев с археологическими целями предпринял и сам Н.П. Румянцев¹. В 1822 г. Евгений (Е.А. Болховитинов), известный библиограф, историк литературы, археограф, став митрополитом Киевским и Галицким, организовал уже полноценные археологические исследования, начавшиеся в 1823 г. и продолжившиеся в дальнейшем. В ходе раскопок были обнаружены фундаменты Десятинной церкви, Золотых ворот и другие остатки домонгольской архитектуры [41. С. 15–23]. Большой вклад в изучение украинской археологии внес с польской стороны А. Чарноцкий (З. Доленга-Ходаковский), при этом он также сосредоточивался на древнерусской истории. В опубликованной на польском языке работе 1818 г. «О славянщине до христианства» З. Доленга-Ходаковский впервые наметил программу комплексных исследований славянских народов, а в «Проекте учёного путешествия по России для понимания древней славянской истории» (1820) и «Исторической системе Ходаковского» (1838), опираясь на материалы полевых разысканий, в том числе украинско-белорусских, обосновал принципы междисциплинарного археолого-этнографического подхода к реконструкции древней культуры².

Гердеровско-романтическая концепция З. Доленга-Ходаковского, совершив радикальный методологический переворот, обнажила глубинное противоречие, варианты разрешения которого обозначили внутренние вехи в развитии историко-этнографических разысканий 1800 – начала 1820-х гг. Оно заключалось в неразрывной связи регионального своеобразия с образом жизни низших сословий, прежде всего крестьянства. Социокультурная элита Малороссии уже ко второй половине XVIII в. перешла к унифицированным русско-европейским бытовым формам. В их свете простонародная культура, сохранившая архаические черты, выступала предметом дистанцированного восприятия. Варианты преодоления этой дистанции определялись как меняющимися мировоззренческими установками (от сентиментально-просветительских к романтическим), так и особенностями дискурса (история как нарратив об элите, этнография как репрезентация простонародья). Данные элементы могли выступать в сложных сочетаниях и порождать весьма причудливые идейно-художественные комбинации, чутко отзывающиеся на политический контекст – наполеоновские войны и «польский вопрос».

Более того, формирующийся русский национализм придал особую актуальность системе различий своего и чужого, обостряя чувствительность имперских авторов к культурным границам. Так, в этнографических описаниях Украины XVIII в. местное своеобразие не выступало сигналом инаковости, например, у С.Г. Гмелина, отмечавшего, что «одежда малороссов от употребляемой в Великой России не во многом отлична» и «язык малороссийский, что до существенности его касается, во всем сходствует с российским» [14. С. 139, 140]. Для путешественников александровской поры подобные различия становятся гораздо более заметны, порождая иногда четкое ощущение чуждости, как в случае И.М. Долгорукого, заметившего в 1810 г.

¹ О впечатлениях этой поездки см. [40. С. 1–334].

² Подробнее об А. Чарноцком и его этнографической системе см.: [42. С. 38–87; 43. Т. 1. С. 281–285; 44; 45].

при въезде из Слободской Украины во внутренние малороссийские губернии: «Здесь я уже почитал себя в чужих краях, по самой простой, но для меня достаточной причине: я перестал понимать язык народный; со мной обыватель говорил, отвечал на мой вопрос, но не совсем разумел меня, а я из пяти его слов требовал трем переводу. Не станем входить в лабиринт подробных и тонких рассуждений; дадим волно простому понятию, и тогда многие, думаю, согласятся со мною, что где перестает нам быть вразумительно наречие народа, там и границы нашей родины, а по-моему, даже и отечества. Люди чиновные принадлежат всем странам: ежели не по духу, но по навыкам – космополиты; их наречие, следовательно, есть общее со всеми. Но так называемая чернь – она определяет живые урочища между царствами, кои политика связывает, и лифляндец всегда будет для России иностранец, хотя он и я одной державе служим» [46. С. 64].

И.М. Долгорукий уже последовательно разводит политические и этнические категории, в свете которых общая государственная принадлежность не редуцирует разницы культур. Носителем объединяющего начала выступает в его восприятии административная, а шире – дворянская элита империи, по своему статусу и функциям вынужденная дистанцироваться от национальных корней, что, однако, не отменяет их значимость для «черни».

Скептические замечания И.М. Долгорукова выступали частью обозначившегося интереса к народным началам. Историко-этнографические исследования помогали сфокусировать его и становились платформой для сознательного конструирования нового этнокультурного образа Украины. Подлинный сдвиг здесь произойдет позже, к середине XIX в., когда «старый региональный патриотизм умер» и на смену ему пришел «новый национализм, основанный на исторической антропологии, филологии и народной культуре (или том, что тогда считалось народной культурой)» [47. С. 82]. В этом процессе можно условно выделить два этапа – сентиментально-русоистский, сохранявший актуальность до конца 1810-х гг., а рудиментарно отзвывавшийся и позже, и гердеровско-романтический, первые предвестия которого можно заметить еще у А.Ф. Шафонского и Я.М. Марковича, но в полном объеме реализовавшийся у А. Чарноцкого.

Главным содержанием обоих периодов была переоценка роли простонародья как носителя национального своеобразия. Она, заметим, была столь же актуальной и для формирующегося русского национализма, столкнувшегося со схожей проблемой разрыва между космополитической дворянской элитой и крестьянством, как раз и воплощавшим в себе «народное тело», если воспользоваться руссоистской органицистской метафорой. По мысли В.М. Живова, выход был найден в поиске обобщенных свойств национального характера, объединяющих все сословия: «Обеспечивающими целостность нации чертами оказываются любовь к вере отцов и верность монархическому принципу, то есть, говоря в терминах уваровской триады, православие и самодержавие, которые и составляют содержание народности» [48]. В случае Малороссии эта формула разрешала проблему лишь частично: она работала на укрепление имперской лояльности и, в ее рамках, региональной идентичности, однако не снимала самих этнокультурных различий, уже достаточно чувствительных, как мы видели, и для имперских, и для местных авторов.

Здесь требовались более сложные дискурсивные конструкции, выраставшие тем не менее из того же истока – руссоизма, который в применении к Украине имел к началу XIX в. два извода. Предтечей первого была полонофильская просветительская литература, в особенности «Соображения об образе правления в Польше» (1771) Ж.Ж. Руссо и «Образ правления и законов Польши» (1782) Г. Мабли, где государственное единство Речи Посполитой, уничтоженное в ходе австрийско-прусско-российских разделов, трансформировалось в единство национальное, существующее как бы поверх политических институтов¹. Хранителем и выразителем его становились знать и образованное общество, консолидирующее вокруг себя другие сословия. Перенос этой концепции с образа Польши на образ Украины – заслуга старшего поколения традиционалистов, в частности Г.А. Полетики, отстаивавшего идеи малороссийской шляхетской демократии в ходе работы Комиссии по составлению нового уложения. Этот комплекс идей наиболее полно сказался в «Истории русов», созданной на рубеже XVIII–XIX вв.², но в смягченном и ограниченном виде он определил и установки украинской историографии 1800-х – начала 1820-х гг., сказавшись, при соответствующем идеологическом переосмыслении, и в использовании украинских исторических сюжетов в декабристской литературе (от Ф.Н. Глинки до К.Ф. Рылеева).

Второй извод руссоизма сосредоточивался на крестьянстве как носителе естественности, близости к природе, патриархальности. Именно он определил образ «народа, поющего и пляшущего», служащего репрезентантом современной Украины в имперской словесности рубежа XVIII–XIX вв. В его содержании, однако, доминировали общие признаки, выражающие универсальные качества неиспорченной цивилизацией человеческой природы. «Оставим различные состояния людей, – настаивал А.И. Левшин в «Письмах из Малороссии», – забудем отличия, производящие между ими неравенство, обратимся к человеку вообще. Согласимся с Руссо в том, что он одинаков во всех обществах (т.е. сословиях. – В.К., Т.В.) и что, следовательно, большего уважения нашего заслуживают многочисленнейшие из них (т.е. крестьяне. – В.К., Т.В.)» [51. С. 65]. Взятый в сентиментально-филантропическом качестве украинский простолюдин, однако, в сущности своей мало отличался от русского и не мог выступать средоточием национального единства, по крайней мере, в том смысле, какой ему придавал трактат Ж.Ж. Руссо «Об общественном договоре». Этот крестьянский «народ», кроме того, оказывался еще и изъятый из истории: его сферой являлась природа, а не политика.

Тем самым оба варианта руссоизма вытесняли простонародье на периферию национального дискурса. В историографии это мотивировалось сословными установками и вело свой генезис от хроник XVII–XVIII вв., которые создавались представителями казацкой старшины, чаще всего связанными с гетманской канцелярией. Здесь нужно учитывать, что именно в данную эпоху в украинском обществе происходил интенсивный процесс сословного расслоения и, приближаясь по социальному статусу к российскому дворянству, казацкая элита искала идеологическое обоснование своему привилегирован-

¹ Подробнее см. в исследовании Л. Вульфа [49. С. 351–360].

² См. подробный анализ «Истории русов» с данной точки зрения у В.В. Кравченко [50].

ному положению. Образцом выступала в первую очередь польская модель, возводившая происхождение шляхты от древних сарматов, что отличало ее от славянского и литовского простонародья. Элементы сарматизма и в целом шляхетской сословной идеологии могли заимствоваться напрямую и переноситься на казацкую старшину (наиболее радикально – в «Истории русов»), но могли создаваться по аналогии, формируя мифологизированный образ казачества как особого этноса («казацкого народа»). Разделение казаков и украинцев, в связи с незавершенностью социальной стратификации, так и не приобрело устойчивого характера, однако явилось чертой и многих местных исторических описаний, с особым интересом комментирующих происхождение и особый статус казачества (от Самуила Велички до А.И. Ригельмана), и имперских трудов, в которых, напротив, образ казачества с середины XVIII в. последовательно вытеснялся на периферию и заменялся образом идиллических малороссиян¹.

Эта традиция оказывала существенное влияние на украинскую историографию вплоть до начала 1820-х гг. Так, А.И. Мартос и Д.Н. Бантыш-Каменский сделали центром своих трудов именно казачество, а в его составе – казацкую старшину. Более того, А.И. Мартос, разделявший методологию А.Л. Шлецера, настаивал на последовательной критике источников и возможно полном учете иностранных свидетельств (Боплан, Шевалье, Шерер и др.), в свете которых даже авторы «казацких летописей» выступали носителями простонародно-архаической культуры и требовали проверки образованным взглядом. «Конечно, Клио не любит скрытности, – писал он в рецензии на «Историю Малой России», – но верны ли записки в манускриптах, доставшихся автору от грамотных простолюдинов?» [35. С. 135]. О конкретном содержании «Истории» А.И. Мартоса судить невозможно, поскольку она осталась неизданной², а рукопись ее утеряна, однако эпистолярные свидетельства говорят об организующей роли предводителей казачества в композиции и нарративе пятитомного труда: «По плану моей истории, она составит из пяти томов, т.е. до уничтожения гетманства; пятая часть со всеми подробностями революции Мазепиной, извлеченная из источников верных, равномерно давно кончена, следовательно только переделываю четвертую часть. Она чрезвычайно разнообразна и обильна, ибо содержит ход происшествий всех гетманов от Богдана, столь противоположно описанных малороссиянами и хрониками польскими, но становится все занимательнее» [55. С. 178].

Официально-академический характер «Истории Малой России» Д.Н. Бантыш-Каменского делал ориентацию на гетманов и казацкую элиту еще более заметной. Разделяя мнение казацких летописей, он возводил истоки самобытного общественного устройства Украины к XVI в., времени правления Стефана Батория, придавшего казачеству регулярный характер и наделившего казацкую старшину особыми привилегиями: «Избранного козаками на его место предводителем князя Богдана Ружинского можно почитать первым малороссийским гетманом. При нем король Стефан Баторий даровал

¹ См. нашу статью [52. С. 478–517].

² За исключением трех отрывков из третьего тома, напечатанных в «Северном архиве» (53. № 13. С. 1–18; № 14. С. 99–125; 54. № 6. С. 461–479).

козакам, в 1576 году, полное войсковое учреждение, разделив их на полки и сотни, в которые действительно служащие козаки были записаны» [33. С. 17].

Примечательно, однако, что история Запорожской Сечи, сохранившей сугобо военную организацию и тем отделившейся от украинского казачества в целом, расценивается Д.Н. Бантыш-Каменским негативно. Запорожцы, преследуя свои цели, часто выступают зачинателями смут, переходят на сторону врагов, вносят политическую дезорганизацию. Реестровое же казачество и близкая к нему по статусу православная шляхта, глубоко интегрированные в общественную систему, рассматриваются как единственный легитимный источник власти, способный защищать страну и принимать правильные политические решения, одним из которых становится договор с Московским царством и в дальнейшем верное служение ему: «С сего времени козаки занимают первое место в Истории Малороссийской. Распространяясь на родине своих праотцев, откуда властолюбие принудило их сначала удалиться, они посредством мужества приобрели себе независимость и соделались страшными даже для самых повелителей своих. Между тем как несчастные жители отторженных от России областей, управляемые литовскими законами, стонали под владычеством польских воевод, каштелян и других урядников, поселившиеся на свободных землях козаки судились между собою от своих старшин и имели свои уряды» [33. С. 19].

Основная часть «Истории Малой России» описывает в первую очередь деяния гетманов, смена которых определяет композицию самого труда (ряд от Богдана Хмельницкого до К.Г. Разумовского). Вторжение в события рядового казачества или крестьянства немногочисленны и чаще всего деструктивны, связаны с бунтами («недовольные <...> малороссияне сначала роптали, потом вышли из повиновения, умертвили многих помещиков, ограбили сборщиков податей»¹). За исключением казацкой верхушки население Украины описывается Д.Н. Бантыш-Каменским как слабо дифференцированная социальная масса, способная выступать лишь фоном для героев из элиты.

Вытеснение простонародья из исторического дискурса, характерное для украинской историографии 1800–1810-х гг., часто оборачивалось у имперских авторов образом народа без истории. Для целого ряда русских путешественников-археологов, заинтересованных, однако, только в сведениях о древнерусском прошлом, удивительным становилось «беспамятство» простонародья, не сохранившего никаких воспоминаний о местных достопримечательных местах и событиях. Так, А.И. Ермолаев в ходе экспедиции 1810 г. сетовал своему начальнику А.Н. Оленину, директору Императорской Публичной библиотеки: «Писать почти совершенно нечего. Мы путешествуем в стране плодородной, изобильной хлебом, но не древностями; здесь все новое. Этот край долгое время принадлежал Польше или составлял нашу Украину и беспрестанно был подвержен набегам татар, которым не учиться было грабить и жечь, разорять. О древних памятниках ранее Петра Великого и говорить нечего» [39. С. 179].

Подобный разрыв создавал существенную проблему для набиравших силу украинофильских тенденций специфического «очищения» исторических

¹ Речь идет о реакции малороссов на выбор гетманом И. Мазепы [33. Ч. 3. С. 10].

первоначал от народного забвения или искажающих наслоений. К этому методу вынужден был прибегнуть в качестве оправдания, например, А.П. Павловский, создатель первой малороссийской грамматики, представляя ее на суд Императорской Академии наук в 1805 г.: «Я слышал вопрос: *«К чему пригодна может быть предлагаемая мною грамматика малороссийского наречия»*. Признаюсь, что вопрос сей для меня тягостен. Филолог <...> захочет в нужном случае употребить малороссийское наречие к разысканию некоторых исторических истин <...>. Читая Историю летописца российского преподобного Нестора, я во многих местах чувствовал, что надобно бы знать язык малороссиян. <...> Кто же нам тогда покажет истинный образ наших предков в прошедших временах, если мы не сохраним настоящего образа их мыслей и наречия?»¹ [56. С. 112–113].

За «прикладными» мотивациями изучения малороссийской культуры как средства реконструкции древнерусского прошлого чувствовались, тем не менее, уже новые интенции, придающие самостоятельную ценность знакам национального колорита: «Вопрошают: *„нужно ли сохранять различные наречия, которых во всяком языке находится не малое количество? или предать все оные забвению?“* Решительно отвечаю: *нужно сохранять все наречия, сколько бы их ни нашлось, в каком бы ни было, а тем более в нашем отечественном, языке*»² [56. С. 113–114].

Трансформация украинского историко-этнографического дискурса оказалась возможна именно благодаря распространению подобных гердеровских по происхождению идей, переоценивших роль простонародья в создании, сохранении и исторической трансляции национальной культуры, зафиксированной в языке, фольклоре и обрядности. Они отражали некий постоянный, не зависящий от перемены политических обстоятельств народный характер. Через крестьянскую культуру можно было восстановить, а по сути, сконструировать заново сущность этого национального характера и через него национального единства. Это тонко почувствовал Адам Чарноцкий (З. Доленга-Ходаковский), призывавший в конце 1810-х гг.: «Необходимо снизойти под кровлю селянина в разных отдаленных краях; надо поспешить на его пиры, забавы и различные события жизни. Там, в дыму, носящемся над головами (т.е. в избах, топящихся по-черному. – В.К., Т.В.), витают еще старинные обряды, расппеваются древние песни и среди пляски народной слышатся имена забытых богов» [59. С. 74].

Интенсивно развивавшиеся в этом направлении малороссийская этнография и археология помогали преодолеть разрыв с историографией, переосмыслив ее в контексте истории не только шляхетской элиты, но и народа. Именно поэтому «открытие» в конце 1810-х гг. Н.А. Цертелевым исторических песен и дум³, репрезентирующих народную версию истории, явилось первым заявлением зрелого имперского украинофильства.

¹ Подробнее о «Грамматике» см. в исследовании Д.Г. Бучко [57. С. 91–115].

² О принципиальной роли языка как основания культуры в просветительской идеологии, особенно поздней, гердеровской см. у Ю.М. Лотмана [58. С. 216–223].

³ Их активно собирал в этот же период З. Доленга-Ходаковский, однако его записи остались неизданными и были опубликованы лишь в XX в. [60]. О раннем собирательском этапе украинской фольклористики см.: [61; 62; 63. № 1. С. 58–64; № 2. С. 27–36].

Методологический переворот Ходаковского предполагал выход из узкой сферы документальных источников, связанных с историей и культурой, в пространство фольклорно-языковых и археологических свидетельств. Сам ученый, прежде всего, интересовался древним дописьменным этапом в истории славянства, который в историографии XVIII – начала XIX в., в том числе у Н.М. Карамзина, представал эпохой «баснословной», поскольку летописи или иностранные источники давали о нем отрывочные и разноречивые сведения. Однако именно этот начальный период этногенеза позволял подвести прочный базис под утверждение общности славянских народов. Критика «Истории государства Российского», которую предпринял Ходаковский в ряде печатных трудов (в «Разысканиях касательно русской истории» [64], «Проекте учёного путешествия по России для понимания древней славянской истории» [65], «Исторической системе Ходаковского» [66]), заключалась как раз в указаниях на проигнорированный Н.М. Карамзиным этнографотопографический материал. Собранный в разных районах Украины, Белоруссии, Северной России, он свидетельствовал о целой системе культурно-языковых пересечений, о совокупном славянском космосе. Благодаря ему можно было модернизировать «великий нарратив» имперской истории, включив в него историю славянства в целом – от Вислы до Ладоги. Этот посыл хорошо вписывался в идеологию формирующегося панславизма, разные варианты которого предлагали в политической плоскости официальные уставы Священного союза и федеративные проекты декабристов. Историческому разделению народов (Польша vs Россия) он противопоставлял глубинное этническое единство, средоточием которого оказывалась как раз Украина, славянский «Полдень». Более того, носителем и хранителем славянских начал, его древней мудрости, выступало простонародье, не затронутое европейской космополитической культурой: «Что нынешним озарением (т.е. просвещением. – В.К., Т.В.) нашим обязаны мы чрезмерному, быть может, подражанию Европе, из того еще не следует, чтоб и наши предки подлежали тому правилу и все чужое имели. Откуда наши добрые ратаи имеют по старым преданиям столько названий разных растений, даже и звезд, чего не имеется и в диалекте нашей учености? Кому ж мы обязаны сокровищем языка нашего; в чем он был прежде попечении, пока вошел, и то не совсем, в известные книги? Если б мы менее руководствовались модою и дворянством, наблюдаемым и в сих отношениях, а заглядывали под соломенную крышу поселянин, которые не изменили столько своим предкам, то наверно ожидать можно, что сокровище *мовы* нашей более б умножилось» [64. С. 282].

В своих странствованиях Ходаковский на деле воплотил призыв войти в курные избы крестьянства, предвосхитив идеалы будущего народничества, как украинского, так и русского. Для имперской публики 1810 – начала 1820-х гг. значимее, однако, был не столь радикальный мотив знакомства с народной жизнью, встречи образованной, но потерявшей корни элиты с архаичным и сохранившим этническую и нравственную оригинальность простонародьем. В этом плане пафос Ходаковского хорошо вписывался в декабристские поиски народности, в открытие «умного, бодрого нашего народа» (А.С. Грибоедов) [67]. Ситуацию такой встречи рисовало и предисловие Н.А. Цертелева к «Опыту собрания старинных малороссийских песен» (1819): «Случай,

помогавший многим открытиям, был виновником сего опыта. Нечаянно попался мне слепой бандурист, который подобно древним рапсодам, переходя из одного места в другое, воспеваает подвиги отечественных героев. Я описал все, что он знал, и с удовольствием увидел шесть старинных песней, к которым, впоследствии, присоединив и еще четыре таковых же, принял намерение издать оные» [68. С. 1].

Подразумеваемый коллективный автор «старинных песен», как и анонимный бандурист у Н.А. Цертелева, еще не выступал самоценной фигурой. В предисловии он рисовался вполне стилизованно и реализовал популярную аналогию «Украина – Греция», восходящую к И.Г. Гердеру и И.Х. Энгелю («*Commentatio de republica militari seu comparatio Lacadaemoniorum, Cretenaium et Cosacorum*» [69], «*Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Kosaken*» [70]) и широко распространившуюся в украинских травелогах. В ее свете малороссийские песни являлись подобием «Илиады», созданным первоначально представителями элиты, но, в отличие от греческого памятника, не сохранившимся во всей полноте содержания и чистоте стиля, а приспособившимся с течением веков к вкусам простонародья: «Правда, что сии памятники народного гения, сохраняясь столь долгое время в изустных преданиях, много испорчены <...>. Это безобразные развалины, свидетельствующие о красоте разрушенного здания!» [68. С. 5]. Смягчая «грубую» стилистику, Н.А. Цертелев опубликовал не аутентичный текст песен, а, по сути, их литературную обработку, нацеленную на то, чтобы передать «пиитический гений народа, дух его, обычаи описываемого времени и, наконец, ту чистую нравственность, которою всегда отличались малороссияне и которую тщательно сохраняют по сие время, как единственное наследие предков своих, уцелевшее от жадности народов, их окружавших!» [68. С. 2].

Сам народный взгляд на прошлое для фольклориста уходил на второй план, он сомневался, что «стихотворения сии могут служить объяснением малороссийской истории», для него они являлись скорее образцом «поэзии безыскусственной, естественной» [68. С. 4]. Однако подбор текстов говорил и об иной тенденции, согласующейся с декабристским стремлением отыскивать в истории и народной поэзии сюжеты гражданственные, патриотические. «Невозможно, думал я, что бы живое воображение малороссиян не воспламенилось чудными переворотами, претерпенными отечеством их; невозможно, чтобы люди, умеющие ценить прелесть спокойствия, не были поражены буйством татарских набегов. Предметы ужасные всегда поражают нас ранее приятных; эпохи бедствий и кровопролитий предшествуют истинной славе народов» [68. С. 2].

В результате в сборник были включены, прежде всего, думы и исторические песни с героическими сюжетами, живописующие события военных походов («О походе гетмана Богдана Хмельницкого в Молдавию»), стоическую смерть защитника отечества («О смерти Ивана Коновченка или о походе козаков против Татар», «Смерть козака Федора Безродного») или подвиги казаков («О побеге трех братьев из города Азова»). Их дополняли рефлексии на политическую историю Гетманщины, связанные с ее центральными персонажами – Богданом Хмельницким и Иваном Мазепой («О хитрости употребленной Богданом Хмельницким к открытию сношений Барабаша с Поляка-

ми», «О смерти Гетмана Богдана Хмельницкого и избрании в гетманы сына его Юрия», «О измене гетмана Мазепы»). Песни лирического характера представлены всего тремя текстами («О Алексее Поповиче или о буре претерпенной козаками в Черном море», «Тоска сестры в разлуке с братом», «Отъезд козака из родины», тоже имевшими патриотический подтекст, демонстрировавшими переплетение интимных чувств с тяготами военной казацкой жизни, с любовью к родине и тоской по ней.

Тем самым этнографическое стремление передать народный колорит, «дух народа», соединилось в «Опыте собрания старинных малороссийских песен» с историческим началом, с образом «казацкого народа», вполне сохранившего память о своем прошлом. Более того, Н.А. Цертелев, подобно Ходаковскому, этот народно-исторический субстрат попытался включить в последующих своих разысканиях в общерусский («Взгляд на старинные русские сказки и песни», «О произведениях древней русской поэзии», «О стихосложении старинных русских песен» (1820); «О народной поэзии» (1823), а затем и общеславянский контекст. В 1824 г. им была помещена в «Северном архиве» рецензия на сборник славянских песен Ф.Л. Челяковского «*Slowanskè narodni Písne*» [71], где Н.А. Цертелев особо отметил лакуны в материале, свидетельствующие о недооценке роли украинцев в славянском мире: «Странно, что отделение сие столь бедно тогда, когда оно могло быть одним из богатейших, ибо ни одно, может быть, из наречий языка славянского не имеет столько разнообразных прелестных стихотворений, как наречие малороссийское» [72. С. 111].

Для фольклориста это было принижением и российского начала, мыслящегося как объединяющее, «старшее»: «Нам, русским, старшим потомкам славян, стыдно уступить в любви к народной славе сербам и богемцам, стыдно не заботиться о памятниках слова дедов наших и имея еще возможность передать внукам и правнукам своим дух народной поэзии, с каждым днем более и более умирающей, совершенно не радеть о том» [72. С. 112].

Эта борьба за «главенство» в славянском мире, проецируемая на различные стороны культуры – от системы образования и книгоиздательской практики до истории и этнографии, являлась частью политических и идеологических полемик 1800 – начала 1820-х гг., глубоко повлиявших на образ Украины в имперской словесности и требующих отдельного рассмотрения.

Литература

1. [Симоновский П.И.] Краткое описание о козацком малороссийском народе и о военных его делах, собранное из разных историй иностранных, немецкой – Бишенга, латинской – Безольди, французской – Шевалье и рукописей русских, чрез бунчукового товарища Петра Симонского, 1765 года. – М., 1847.
2. [Рубан В.Г.] Краткая летопись Малой России с 1506 по 1776 г., с изъяснением настоящего образа тамошнего правления и с приобщением списка преждебывших гетманов, генеральных старшин, полковников и иерархов, також Землеописания, с показанием городов, рек, монастырей, церквей, числа людей, известий о почтах и других нужных сведений. Издана Васильем Григорьевичем Рубаном, господином коллежским асессором и Вольного Российского собрания, при Императорском Московском университете, членом. – СПб., 1777.
3. Григорович Н.И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородько: в 2 т. – СПб., 1879–1881.
4. *Российский магазин*. – СПб., 1792.

5. *Российский магазин*. – СПб., 1793.
6. *Ригельман А.И.* Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще, отколь и из какого народа оные происхождение свое имеют, и по каким случаям они ныне при своих местах обитают, как-то: Черкасские или Малороссийские и Запорожские, а от них уже Донские и от сих Яицкие, что ныне Уральские, Гребенские, Сибирские, Волгские, Терские, Некрасовские и пр. казаки, как равно и Слободские полки. – М., 1847.
7. *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. – Ч. 4: О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, поляках и владычествующих россиянах с описанием всех именованных казаков, также история о Малой России и купно о Курляндии и Литве. – СПб., 1799.
8. *Киевская старина*. – 1893. – № 1.
9. *История Русов, или Малой России*. Сочинение Георгия Кониского, архиепископа Белорусского. – М., 1846.
10. *Plokhly S.* Ukraine or Little Russia? Revisiting an Early Nineteenth-Century Debate // *Canadian Slavonic Papers*. – 2006. – Vol. 48, № 3/4.
11. [*Калиновский Г.И.*] Описание свадебных украинских простонародных обрядов, в Малой России и в Слободской Украинской губернии, также и в великороссийских слободах, населенных малороссиянами, употребляемых, сочинённое Григорием Калиновским, армейских пехотных полков, состоявших в украинской дивизии, прапорщиком. – СПб., 1777.
12. *Рубан В. Г.* Землеописание Малыя России по ревизии 1764 г. – СПб., 1777.
13. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской Империи. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1809.
14. *Гмелин С.Г.* Путешествия по России для исследования трех царств естества. – Ч. 1: Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкаска, главного города Донских казаков в 1768 и 1769 годах. – СПб., 1806.
15. [*Гильденштедт И.А.*] Дневник путешествия в южную Россию академика Санкт-Петербургской Академии Наук Гильденштедта в 1773-74 гг. / пер. с нем. М. Шугурова // *Записки Одесского общества истории и древностей*. – 1879. – Т. 1.
16. [*Гильденштедт И.А.*] Дневник путешествия по Слободско-Украинской губернии академика Санкт-Петербургской академии наук Гильденштедта в августе и сентябре 1774 г. / пер. с нем. // *Харьковский сборник: литературно-научное приложение к Харьковскому календарю на 1891 год*. – Вып. 5. – Отд. 2. – Харьков, 1891.
17. *Шафонский А.Ф.* Черниговского наместничества топографическое описание 1786. – Киев, 1851.
18. *Переверзев И.А.* Топографическое описание Харьковского наместничества 1787. – М., 1788.
19. *Переверзев И.А.* Топографическое описание Киевского наместничества 1786. – М., 1788.
20. *Маркович Я.М.* Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. – СПб., 1798.
21. *Горленко В.Ф.* Становление украинской этнографии конца XVIII – первой половины XIX ст. – Киев: Наукова думка, 1988.
22. *Когут З.* Истоки парадигмы единства: Украина и создание русской национальной истории (1620–1680-е гг.). – URL: <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/kohut-1.htm> (дата обращения: 04.02.2013).
23. *Saunders D.* Historians and Concepts of Nationality in Early Nineteenth-Century Russia // *Slavonic and East European Review*. – 1982. – Vol. 60, № 1, January.
24. *Гизель И.* Киевский Синописис. – Киев, 1674.
25. *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 12 т. – СПб., 1803–1826.
26. *Когут З.* Развитие украинской национальной историографии в Российской империи / пер. с англ. // *Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья*. – 2006. – № 3–4. – С. 62.
27. *Kohut Z.E.* The Development of Ukrainian National Historiography in Imperial Russia // *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State* / ed. by Thomas Sanders. – Armonk: M.E. Sharpe, 1999.
28. *Журба О.І.* Журнальний період становлення української археографії (Харківські журнали 10–20-х рр. XIX ст.) // *Архіви України*. – 2002. – № 1–3.

29. *Sysyn F.* The Cossack Chronicles and the Development of Modern Ukrainian Culture and National Identity // *Harvard Ukrainian Studies.* – 1990. – Vol. 14, № 3/4 (December).
30. *Корпанюк М.П.* Крайове та козацьке компілятивне літописання як історико-літературне явище. – Київ: Літопис-XX, 1997.
31. *Лукашова С.С.* Украина в едином этнополитическом пространстве России первой половины XVIII в. // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности / Межрегиональные исследования в общественных науках.* – Вып. 3. – М., 2001.
32. *Дзира І.Я.* Козацьке літописання 30–80-х рр. XVIII ст.: джерелознавчий та історіографічний аспекти. – Київ: [б. и.], 2006.
33. *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России со времен присоединения оной к российскому государству при царе Алексее Михайловиче с кратким обозрением первобытного состояния сего края. – Ч. 1. – М., 1822.
34. *Кравченко В.В.* Нариси з української історіографії епохи національного відродження (друга половина XVIII — середина XIX ст.). – Харків: Основа, 1996.
35. *Мартос А.И.* История Малой России со времени присоединения к Российскому государству, при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. – М., 1822. Печатана иждивением сочинителя (Д.Н. Бантыша-Каменского) // *Сын отечества.* – 1823. – № 3.
36. *Берлинский М.Ф.* Краткое описание Киева. Содержащее историческую перечень сего города, так же показание достопамятностей и древностей оного. – СПб., 1820.
37. *Брайчевський М.Ю.* Максим Берлинський та його «Історія міста Києва» // *Берлинський М.Ф. Історія міста Києва.* – Київ, 1991.
38. *Толочко А.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. – Київ: Laugus, 2012.
39. *Документи* першої історико-археологічної експедиції в Україну // *Київська старовина.* – 1998. – № 3.
40. *Переписка* государственного канцлера графа Н.П. Румянцева с московскими учеными // *Чтения в Обществе истории и древностей российских.* – 1882. – Кн. 1.
41. *Ананьева Т.* Десятинна церква: коло витоків археологічних досліджень (1820–1830-ті рр.) // *Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000 освячення.* – Київ, 1996.
42. *Пытин А.Н.* История русской этнографии. – Т. 3: Этнография малорусская. – СПб., 1891.
43. *Азадовский М.К.* История русской фольклористики. – М.: Учпедгиз, 1958.
44. *Малаш-Аксамитова Л.А.* Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий) и его наследие. – Wroclaw, 1967.
45. *Болтарович З.* Україна в дослідженнях польських етнографів XIX ст. – Київ, 1976.
46. *Долгорукий И.М.* Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда, 1810 года // *Чтения в Обществе истории и древностей российских.* – 1869. Кн. 2. – Отд. 2.
47. *Raeff M.* Ukraine and Imperial Russia: Intellectual and Political Encounters from the Seventeenth to the Nineteenth Century // *Ukraine and Russia in their Historical Encounter / ed. by P.J. Potichnyj, M. Raeff, J. Pelenski, G.M. Zekulin.* – Edmonton: CIUS Press, 1992.
48. *Живов В.М.* Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // *Новое лит. обозрение.* – 2008. – № 91.
49. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. – М.: Новое лит. обозрение, 2003.
50. *Кравченко В.В.* «Поэма вольного народу» («Історія Русів» та її місце в українській історіографії). – Харків: Основа, 1996.
51. *Левшин А.И.* Письма из Малороссии. – Харьков, 1816.
52. *Киселев В.С., Васильева Т.А.* «Странное политическое сонмище» или «народ, поющий и пляшущий»: конструирование образа Украины в русской словесности конца XVIII – начала XIX в. // Там, внутри: Практики внутренней колонизации России. – М., 2012.
53. *Северный архив.* – СПб., 1822.
54. *Северный архив.* – СПб., 1823.
55. *Письмо* И.Р. Мартосу от середины 1822 г. Цит. по изд.: *Лазаревский А.* Прежние изыскатели малорусской старины (А.И. Мартос) // *Киевская старина.* – 1895. – Т. 48. – Февр.
56. *Павловский А.П.* Грамматика малороссийского наречия, или грамматическое показание существеннейших отличий, отдаливших малоросское наречие от чистого русского языка, сопровождаемое разными по сему предмету замечаниями и сочинениями. – СПб., 1818.

57. Бучко Д.Г. «Словарь малороссійскаго наречія» О. Павловського // 3 історії української мови: До 150-річчя «Граматики» О. Павловського. – Киев, 1972.
58. Лотман Ю.М. Слово и язык в культуре Просвещения // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин, 1992.
59. Пытин А.Н. История русской этнографии. – Т. 3. Этнография малорусская. – СПб., 1891.
60. Українські народні пісні в записях Зоріана Доленги-Ходаковського / Упоряд. та передмова О.І. Дея. – Киев: Наукова думка, 1974.
61. Дей. О.І. Сторінки з історії української фольклористики. – Киев: Наукова думка, 1975.
62. Кирдан Б.П. Собиратели народной поэзии: из истории украинской фольклористики XIX в. – М.: Наука, 1974.
63. Кирчів Р. Початки наукового зацікавлення українським фольклором (збирання і вивчення) // Народна творчість та етнографія. – 2006. – № 1, 2.
64. Доленга-Ходаковский З. Разыскания касательно русской истории // Вестник Европы. – 1819. – Ч. 107, № 20.
65. Доленга-Ходаковский З. Проект учёного путешествия по России для понимания древней славянской истории // Сын Отечества. – 1820.
66. Доленга-Ходаковский З. Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. – 1837. – Кн. 3.
67. Грибоедов А.С. Горе от ума. – М.: Молодая гвардия, 1978.
68. Цертелев Н.А. Опыт собрания старинных малороссійских песен. – СПб., 1819.
69. Engel J. Ch. Commentatio de republica militari seu comparatio Laca-daemoniorum, Cretenaium et Cosacorum. – Cöttingen, 1790.
70. Engel J. Ch. Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Kosaken. – Halle, 1796.
71. Челяковский Ф.Л. Slowanskè narodni Pisnè. – Prague, 1822.
72. Цертелев Н.А. Славянские песни различных наречий // Северный архив. – 1824. – Ч. 9, № 2.